

Ю. В. Соколова

Образные поля с левым компонентом человек в «северной трилогии» Е. И. Замятина

Статья посвящена рассмотрению особенностей образного строя текстов «северной трилогии» Е. И. Замятина. Для анализа лексико-семантической организации произведений автор исследования использует полевую методику и инструмент образного поля. В статье выделены сквозные образные параллели, характерные для текстов Е. И. Замятина, и рассмотрены вариативность и обратимость образных средств, их представляющих.

Ключевые слова: Е. И. Замятин, орнаментальная проза, лейтмотив, семантическое поле, образное поле, инвариант образа, сравнение, метафора, метаморфоза, лексико-семантические средства языка.

Ju. V. Sokolova

Figurative Fields with a Left Component "Man" in "the Northern Trilogy" by E. I. Zamyatin

The article considers the imagery features of the texts of "the Northern Trilogy" by E. I. Zamyatin. For the analysis of lexical-semantic organization of works the author uses field research methodology and introduces the concept of the figurative field. The article highlighted the imagery parallels typical for Zamyatin's texts and examined the variability and reversibility of devices which represent them.

Key words: E. I. Zamyatin, ornamental prose, leitmotiv, a semantic field, a figurative field, invariant of the image, comparison, metaphor, metamorphosis, lexical-semantic devices of a language.

Вопрос системного описания языка художественного произведения – один из актуальных для современной лингвистики. В новейших концепциях предпринимается попытка моделирования языкового универсума, включающего все известные образные словоупотребления, продуцируемые и воспроизводимые в рамках одного смыслового ключа. Так, поэтическое слово рассматривается как экспрессема (В. П. Григорьев), выстраиваются парадигмы образов (Н. В. Павлович), тропы группируются по тезаурусному принципу (Н. А. Кожевникова, З. Ю. Петрова), в текстах предлагается выделять ассоциативно-семантические поля (Н. А. Илюхина) и образные парадигмы (Н. Н. Иванова).

Наиболее продуктивным способом систематизации лексико-семантического содержания художественного произведения нам видится полевой подход, за основу которого мы принимаем представление о семантическом поле как совокупности лексических единиц, сконцентрированных вокруг общего значения и отражающих определенную понятийную сферу языка (Ю. Н. Караулов, Д. Н. Шмелёв, Ю. Д. Апресян, И. М. Кобозева, Л. А. Новиков, А. А. Уфимцева). Исходя из основных положений теории семантического поля, мы вычленим концептуально важные единицы авторского миромоделирования –

образные поля, или иерархически упорядоченные, объединенные общей смысловой моделью (инвариантом) множества образов. Образ понимается нами как фрагмент текста, в котором сближаются противоречие в широком смысле понятия [3, с. 28]. На базисные признаки семантического поля (системность, иерархичность, смысловая взаимосвязь и взаимообусловленность конститuentов, открытость) накладываются дифференциальные признаки образного поля. В отличие от семантического поля, имя которого задается единичной категорией, образное поле изначально предполагает диаду в заглавии, которое совмещает вступающие в семантические отношения имена-репрезентанты разных классов объектов. Для образного поля, регистрирующего семантический сдвиг из одной предметной области в другую, важен не только объект уподобления, как на вторичном метафорическом уровне семантического поля, но и денотат тропа. Если семантическое поле областью своих значений «покрывает» определенный фрагмент действительности, то образное поле охватывает тот комплекс смыслов, который формируется языковой личностью автора текста. Оно претендует на статус когнитивной категории и в этом смысле сближается с концептом.

Как и свой прототип, образное поле может быть градуировано на ядро и периферию, но основанием для членения выбирается частотность, сюжетная и концептуальная обусловленность образов. При этом лексико-семантические средства, напрямую не связанные с инвариантом образа, но реализующие его через имплицитные текстовые связи, также включаются нами в структуру поля.

Применение инструмента образного поля оправдано спецификой исследуемых модернистских текстов Е. И. Замятина. С творчеством писателя неизменно связывают понятие «орнаментализма» – «не поддающегося исторической фиксации результата воздействия поэтических начал на нарративно-прозаический текст» [4, с. 263]. Итог такого воздействия – всевозможные «паутинные» вертикальные и горизонтальные связи, пронизывающие текст: сцепление и взаимоотталкивание образов, построение фонетических и вербальных тем, образная «перенасыщенность» текста – приемы, задающие смысловую подоплеку орнаментального произведения (В. Шмид, Л. А. Новиков, С. В. Бревнова).

Тем самым выделение образных полей текста помогает выявить и интерпретировать значения, генерируемые на глубинных уровнях художественного произведения, обрисовать закономерности когниции писателя и способы построения авторской проекции текста. Все это немаловажно для осмысления такого сложного и многомерно языкового феномена, как орнаментальная проза начала XX в.

В последнее время наблюдается небывалый рост исследовательского интереса к произведениям Е. И. Замятина. Это в первую очередь связано с работой ученых-земляков Евгения Ивановича и Международного конгресса литературоведов, проводимого в Тамбове. Различные аспекты творчества писателя анализируются Е. Б. Скорospelовой, Н. Н. Комлик, Т. Т. Давыдовой, Н. А. Кожевниковой, Л. В. Поляковой, М. А. Хатямовой, Д. М. Халиловой, Ю. Ю. Фотиновой и другими исследователями. Тем не менее, в научной литературе до сих пор не предпринималось попытки выделить и комплексно описать образные поля в прозе автора.

Целью данной статьи является изучение образных полей с левым компонентом *человек* в текстах «северной трилогии» писателя (повесть «Север», рассказы «Ёла» и «Африка») на основе анализа семантики, системных связей и функций

лексических средств, наполняющих то или иное поле.

Регулярные образные переносы в текстах трилогии осуществляются по традиционным для русской литературы моделям: «Человек – животный мир», «Человек – растительный мир», «Человек – предметы домашнего обихода». Рассмотрим подробно самое обширное и функционально значимое образное поле «Человек – животный мир». В его структуре вычлениваются следующие субполя (СП) с идентификатором (именем СП), где левый член представлен понятием «человек», а правый – гиперонимом из области биологических животных наименований:

1) «Человек – млекопитающее»: например, *белоголовый медведь (Марей) встал на дыбы; спи, олень моя золотая; кликали – не слышал Степка, жеребцами ржали* (здесь и далее цит. по [2]);

2) «Человек – птица»: *на ее руку (Фомич) положил свою, заскорузлую, похожую на лапу большой птицы; – А ты что же? – на лету крикнул Кортма хозяйке. – Сидишь одна: гага на яйцах!; Фомич взглянул туда одним глазом, как наседка на курицу;*

3) «Человек – пресмыкающееся»: *ящеркой нырнула из рук;*

4) «Человек – рыба»: *а лопские – чернявые, верткие, юркие – как рыбная молодежь на мелководье;*

5) «Человек – насекомое»: *стал Пимен за Федором виться, как комар; – Чего южишь мухой?*

СП – это дискретные единицы, членимые «без остатка» на микрополя (МП), что обусловлено идиостилевыми особенностями прозы Е. И. Замятина. Образы его героев всегда строятся на определенной семантической теме, в пределах которой автор оперирует лексемами одного-двух словообразовательных гнезд. В соответствии с законом повторяемости элементов орнамента близкие по семантике словесные образы уточняют, распространяют или просто дублируют друг друга. Тем самым границы МП либо совпадают с одной персонажной темой, либо включают несколько концентрированных подполей, каждое из которых в свою очередь реализует то или иное значение. Мы разграничили однородные (с одним денотатом) и неоднородные (с несколькими денотатами) МП. Однородные МП позволяют конкретизировать левый компонент названия поля до имени персонажа. Например, МП «Фомич – птица» (*на ее руку (Фомич) положил свою*

– заскорузлую, похожую на лапу какой-то большой птицы; Фомич опять одноглазо, по-ястребиному поглядел на Цыбина; Фомич взглянул туда одним глазом, как наседка на коршуна) и «Стёпка – зуёк» (белоголовый мальчик-зуёк перегнулся через борт; белоголовый зуёк (Стёпка) испуганно вынырнул из дяденькиных сапог; Стёпка-зуёк в чану заснул) в составе СП «Человек – птица»; МП «Клаус Остранд – корова» в СП «Человек – млекопитающее» (шёл Клаус Остранд шумно, по-коровьи, дыша).

С разными действующими лицами соотносятся образы неоднородного поля, поэтому в его имени дублируется слово человек – компонент идентификатора всего образного поля. В этих МП персонаж сравнивается и/или отождествляется

– с гагой: – *А ты что же? – на лету крикнул Корторма хозяйке. – Сидишь одна: гага на яйцах!; – Ты-ты-ты! – только одно слово: как на заре одно и то же слово без конца выкрикивает гага в каменном гнезде* (МП «Человек – гага» в рамках СП «Человек – птица»);

– с собакой: (Стёпка) *мокрый, как щенок, трясся; и, как лайка, от поглаживания зажмуриться, затихнуть; для Цыбина этот бот был всегда как кусок мяса для голодной собаки* (МП «Человек – собака» в СП «Человек – млекопитающее»);

– с нерпой: *тутошные девки из угла глазели – тяжелые, медленные. Встанет на цыпочки какая, покажет белобрысую голову – что нерпа из моря выстала; глянет Фёдор глазами своими нерпячими, необходимыми* (МП «Человек – нерпа» в СП «Человек – млекопитающее») и другими животными.

Ядро совокупного образного поля (ЯП) формируют содержащие только «сильные» образы ядерные зоны СП, состоящие в свою очередь из ядер МП. В ЯП мы включаем интенсивные (парадигматические, концептуальные) и экстенсивные (линейные, частотные) образные ряды (ОР) – узкие тематические объединения внутри МП. Границы однородного МП совпадают с границами ОР.

Интенсивные ОР, к которым в данном случае относятся все МП «Пелька – олень» и часть МП «Человек – медведь» (из СП «Человек – млекопитающее»), имеют художественные «прообразы» на сюжетном уровне произведения и помогают выявить его имплицитные смыслы. У главной героини повести «Север» лопской девушки Пельки есть персонаж-двойник – ее олень. Язы-

ковые параллели между художественными образами существуют как атрибутивное тождество: и Пелька, и олень (оленок) описываются прилагательными *рыжий, золотой, быстрый*. МП «Пелька – олень» наполняют метафоры, которые выражают ласковое отношение Марей, возлюбленного Пельки, к своей избраннице: *олень моя золотая и олень моя лесная*. Существительное мужского рода *олень* коррелируется в русском языке с лексемой женского рода *олениха*. Однако автор трилогии в художественных целях использует именно первое существительное, род которого определяется по зависимым прилагательным в форме женского рода.

Другой герой «Севера» Марей связан с медвежьей охотой и медведем, который по сюжету появляется в конце повести. Задолго до этого «медвежья» тема начинает «мерцать» в языковой инструментровке художественного образа Марей: (Марей) *по-медвежьи, тяжело-легко ступая на пятки – медленно ползлся домой; белоголовый медведь (Марей) встал на дыбы и попер с ревом*. Отмеченные закономерности дают нам право говорить об экстремативировке интенсивных ОР внутри ядра: образ денотируется за пределами поля, в ирреальном текстовом пространстве. Закономерно здесь существует объект с прямономинативным именем, которое сначала становится термином сравнения для другого объекта, а затем – вспомогательным субъектом метафоры – конститuentов образного поля. Мы наблюдаем полный цикл семантической трансформации слова в пределах одного текста. Компаративный этап, однако, может опускаться.

Экстенсивные ОР представлены большим количеством словесных рядов, развивающихся «по горизонтали», создающих формальный языковой орнамент текста. Как и интенсивным ОР, им присуща образная трансформация, но первый член парадигмы (прямономинативное имя) в тексте отсутствует. Экстенсивными ОР в трилогии являются метафоры и сравнения по линиям «Иван Скитский – мышь», «Пимен – комар», «Стёпка – зуёк» (однородные МП).

Персонаж «Африки» Пимен, назойливый и хитрый родственник главного героя Фёдора, «приставлен» наблюдать за ним. В языковом плане характер и роль Пимена выражены МП «Пимен – комар» с образами: *стал Пимен за Фёдором виться, как комар; вился и вился Пимен; ласковым комаром пел Пимен, впился в самое ухо; потянул Пимен свое рыльце комариное*.

На одном из этапов семантических изменений к образной парадигме может подключаться метаморфоза, которая в отличие от метафоры устанавливает связь не с субъектом, а с действием субъекта [1, с. 357] (*ласковым комаром пел Пимен*). Заметим, что частотными средствами для художественного мира Е. И. Замятина являются предикатные метафоры, выведенные из сравнения или номинативной метафоры, а также распространенные метафорические высказывания. В первом случае действие, свойственное средству сравнения или вспомогательному компоненту метафоры, предикатируется основному субъекту [1, с. 361], как, например, глаголы *витьяся, впиться* – имени *Пимен*. Механизм образования развернутой метафоры – в последовательном семантическом согласовании сквозь все предложение [1, с. 351], что иллюстрируют примеры: (*Пимен*) *впился в самое ухо и потянул Пимен свое рыльце комариное*. Аналогичный по характеру и способу репрезентации образ встречаем и в повести «Север»: *Иван Скитский – из скитов беглый. Голова не на плечах, как у всех, а в плечи закопана – выглядывает мышью из норы; хихикнул Скитский – и опять нырь в норку; а из норки – из плечей – голова так и выныривает; из норки выскочил Иван Скитский – бубен в руках*.

К периферийной зоне образного поля мы отнесли все единичные, «слабые» с точки зрения парадигматики текста образные переносы, находящиеся на периферии СП: *а лопские – чернявые, верткие, юркие – как рыбная молодежь на мелководье; кликали – не слышал Стёпка, жеребцами ржали; – Чего южишь мухой?; ящеркой нырнула из рук*.

Образное поле «Человек – растительный мир» представлено СП:

1) «Человек – части и плоды растения», например: *белые корни – босые ноги – крепко в земле; раскорячивши корневища-ноги, Фомич стоял; девичьи слезы унять, увидеть улыбку, осветленную слезами, как лист – дождем;*

2) «Человек – древесное растение»: *Фомич, надвинув кустом брови, хмуро <...> смотрел;*

3) «Человек – травянистое растение»: *все лицо в волосах седых, как во мху; в седом мху волос; голова льняная; (Марей) такой же льноволосый, как Степка; у Яусты волосы – как рожь; на голове – пушок белый: дунь – облетит, как одуванчик;*

4) «Человек – состояния, характерные для растений»: *рот расцветал;*

5) «Человек – сосновая смола»: *все жарче: росинки на лбу, прозрачные капли по рыжим сосновым стволам.*

Ядерную зону поля занимает, во-первых, однородное МП «Человек – ягода» (из СП «Человек – части и плоды растения»), куда входит интенсивный ОР «Пелька – морошка» (*скатываются капли с грудей, с нежных, розовых, как морошка, кончиков; (Марей) греет губами прохладную, бледно-розовую морошку; расправляя складочки на груди <...> как неспелая, еще чуть розовая морошка*) и экстенсивный ОР «Фёдор Волков – голубика» с повторяющимся образом *глаза – как ягода голубень грустная*, во-вторых, однородное экстенсивное МП «Пелька – былинка» (из СП «Человек – травянистое растение») (*рыжие Пелькины волосы перепутаны, в рыжем – зеленый венчик: вот только встала из земли весенняя упругая былка и еще несет на острие влажную землю и кусочек зеленого мха; (Пелька) закинула рыжую голову, прямая, как из земли зеленая былка; (Пелька) вся выпросталась из сна*). На периферии поля находятся все другие упомянутые в классификации субполей образы.

Образные переносы по модели «Человек – предметы домашнего обихода» реализуются в СП, каждое из которых занято однородным МП с интенсивным ОР:

1) «Человек – самовар» (МП «Кортома – самовар»), например: *Кортома булькает смехом; самоварный мир раскочился, самовар (Кортома) не мог вместить; (Кортома) приплюснутый, медный, кряжистый напер; кипит Кортома; (Кортома) на своем, самоварном, языке мыслит; Кортома в самоваре – как в зеркале: приплюснутый <...> медно-добродушный;*

2) «Человек – печь» (МП «Матрёна – печь»): *расползлась во все стороны печью бабка Матрена; Матрена-Плясея – широкая, теплая, ласковая – русская печь-мать;*

3) «Человек – вместилище для сыпучих предметов и мелких тел» (МП «Анна – вместилище для сыпучих предметов и мелких тел»): *и вся Анна была похожа на пустой наполовину сверток; грудь сейчас походила на мешочек с высыпавшимся наполовину зерном.*

Предметы, денотирующие эти образы, принадлежат к уровню художественных деталей произведения, подчас они превращаются в образы-дублиеты главных героев. Например, хозяин единственного торгового предприятия в северном крае Кортома («Север») и его домашний «любимец» самовар – взаимотражающиеся об-

разы (ср. тропы образного поля «Домашняя утварь – человек», олицетворяющие самовар: *самовар: скуластый, руки в боки; самовар в Кортومه – как в зеркале: рыластый, веселый*). Все названные СП относятся к ядерной зоне поля, тогда как периферия представлена единичными тропами, в оригинальной замятинской манере передающими ментальные процессы через параметры физических предметов (*глаза и уши – как бритва; так, не понимая, видело бы ее зеркало, если его поставить тут*).

В текстах трилогии выделяются и другие поля, в пределах которых создаются орнаментальные образы людей. Позицию правого компонента идентификаторов этих полей замещают, например, номинации:

– *промысел (под скулами на лице у него проступили крутые узлы, как на туго натянутом парусе; стоял Фомич, будто вделанный в палубу так же прочно, как мачта; сердце у Цыбина застучало, как пущенный в ход мотор и др.)*;

– *вода (соленый, как морская вода, пот; и по чумазой морденке, как осенью по запотевшему стеклу, ползут неслышные капли; его радость как смыло волною и др.)*;

– *одежда (Кортомиха) отвалилась на прилавок – снятая с руки, запалая, пустая перчатка; Кортомиха отвалилась, загородила запалыми пустыми руками и др.)*;

– *пища (лицо у него было безволосое, пухлое, похожее на булку; схватил его толстое вязкое тело, комкая, выволоч на палубу и др.)*;

– *мифические существа (Яуста горькая, русальная; глаза так и скачут – как неключимая сила; как святочный бес-шиликун вышарахнулся приказчик Иван Скитский и др.)*.

В итоге, распространенные в русской литературе модели образных переносов наполняются в текстах Е. И. Замятина новым содержанием. В одном образном поле автор использует взаимобратимые, близкие по лексико-семантическому составу сравнения, метафоры и метаморфозы – художественные средства, которые, создавая оригинальную орнаментальную «сеть» текста, часто имеют внеполеное основание.

Библиографический список

1. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека [Текст] / Н. Д. Арутюнова. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Замятин, Е. Собрание сочинений [Текст] : в 5 т. / Е. Замятин. – М. : Русская книга, 2003.
3. Павлович, Н. В. Словарь поэтических образов: На материале русской художественной литературы XVIII – XX веков [Текст] : в 2 т. Т. 1. / Н. В. Павлович. – М. : Эдиториал УРСС, 2007. – 848 с.
4. Шмид, В. Нарратология [Текст] / В. Шмид. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.